

Предисловие

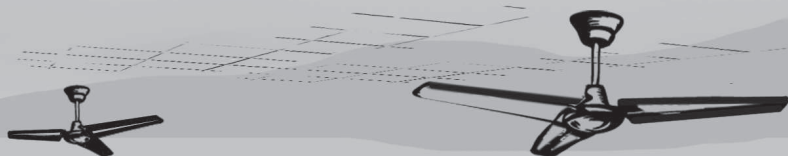
Уже выросло целое поколение, которое не помнит «лихие девяностые». Но для тех, кто вошел в жизнь только сейчас, опыт переосмысления молодежного бунтарства тех лет, которым делится автор, наверняка будет интересен. Ведь у молодежи разных времен есть множество общих черт. Это неприятие родительского авторитета, бескомпромиссное стремление к правде и уверенность в том, что ты точно знаешь, как изменить мир, сделать его лучше. Как говорят, у молодежи есть все, кроме опыта. Поэтому поделиться своим опытом прихода ко Христу — это зачастую подтолкнуть другого человека к иному взгляду на свой мировоззренческий поиск. И в этом контексте очень важно, что роман автобиографичен, основан на реальных событиях.

Сюжет книги жизненный, в нем множество сложных коллизий и опасных ситуаций, которыми было наполнено то непростое время. Конечно, многое здесь рассчитано на взрослого, зрелого читателя, и тем ценнее то, что роман лишен прямолинейного морализаторства. Даже прекрасный в своем южном великолепии Крым не освобождает от ощущения наползающей катастрофы, угрозы распада России, а для тех, кто пытается быть искренним в поисках истины, это вовсе не место отдыха, а, скорее, испытание их взглядов. «Безбилетники» — это еще и философский роман, своего рода одиссея, где плавание главного героя происходит не только от приключения к приключению, но и к самому себе. К той самой главной встрече, которую ищут люди во все времена. Каждый человек, подобно героям романа, в каком-то смысле блудный сын. Каждый так или иначе проходит этот путь, только сейчас этот выбор, пожалуй, стал еще сложнее, и возможностей найти истину среди множества правд непросто. Но «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся», — говорит нам Неизменный и Вечный Господь.

*Тихон, митрополит Псковский и Порховский
(Шевкунов Георгий Александрович)*

**Пацанам,
живым и мертвым,
посвящается**

ЧАСТЬ 1

Хороший путешественник
не знает, куда направляется,
а идеальный путешественник
не знает, откуда пришел.

Линь Юйтан

...Эти существа думают только об одном: что бы поесть да что бы продать. Их идеалы (если они и были) давно преданы, а надежды связаны с самым примитивным, что есть в мире, — личным обогащением. Если можно нарисовать их флаг, то на нем, несомненно, блистают нож и вилка. Нож — не для того, чтобы есть, а чтобы оборонять то, что на вилку наколото. Их гимн состоит из трех аккордов, а текст меняется так часто, что никто не пытается его запомнить. Эти существа так мало похожи на людей. Это животные.

Но самое страшное, что они живут внутри нас. До поры мы не видим их. Вместе с ними по утрам пьем кофе и смотрим в зеркало, ходим на работу и спорим о политике, иногда не подозревая, кого греем у себя под сердцем. Зверь дремлет, пока он накормлен, но в момент революций, войн или даже просто в тяжелой бытовой ситуации он легко выбирается наружу. Некоторые из нас живут и умирают будто в полусне, не услышав этого рыка. Другие пассажиры нашей странной планеты, войдя во вкус, имеют сомнительную радость быть поглощенными им с потрохами.

От этого зверя никуда не деться, но беда обществу, где его начинают хвалить, а дружба с ним воспевается как главная цель и даже смысл жизни. Вся трагическая история человечества говорит, что зверь этот должен по крайней мере знать свое место. Но всякий, у кого стала просыпаться совесть, будет бороться с ним, будет искать как его победить, чтобы стать подлинным человеком. На свете нет ни места, ни времени, свободного от этой простой истины.

Стекляшка

Репетиция кончилась. Музыканты, негромко переругиваясь между собой, сматывали шнуры и зачехляли гитары. Через несколько минут все четверо уже курили на крыльце ПТУ.

— В первой четверти такта барабаны должны молчать, — назидательно говорил худой и длинноволосый вокалист Дрим. — И не только барабаны! Тишина — это тоже музыка. В этом месте мы все не играем. Получается совсем другая атмосфера: пауза, провал. Песня будто зависает. Поэтому в квадрате или три удара без первого, или никак...

— Я, блин... не могу понять, как это стучать. Рука сама дергается, — оправдывался, глядя исподлобья, барабанщик со сломанным ухом. Из всей группы он один был крепко сложен, коротко стрижен, чем сильно выделялся из общего неформального строя.

— Это потому, Монгол, что ты мало работаешь.

— Я дома работаю, по кастрюлям.

— Ты бы лучше на репетицию не опаздывал, — подал голос басист Иван.

— Я в курсе, что лучше, — огрызнулся Монгол. — Сегодня не получилось, завтра получится. Партия сложная. До следующей.

Он поспешно пожал руки и повернулся уходить.

— Шо, даже с друзьями не докуришь? — бросил Иван вслед.

— Некогда! Там... Пацаны ждут. — Монгол махнул музыкантам рукой и решительно пошел по направлению к дому.

— Обиделся, — констатировал Иван.

— На обиженных воду возят. Работать надо, — отрезал Дрим.

— Дрим, когда следующая? — спросил Том, высокий субтильный соло-гитарист.

— В четверг, записываться будем. Ты, кстати, в прошлый раз фирменную кассету обещал.

— Забыл! — Том хлопнул себя по голове, и тут же заорал вслед барабанщику:

— Монгол, стой! Кассету верни!

— Догоняй! — Монгол, не оборачиваясь, призывно махнул рукой.

— Ладно, пацаны. Бувайте. — Том побежал следом.

Барабанщик шел быстро, не притормаживая.

— Саня, подожди. Дрим говорит, что в четверг запись.

Монгол что-то буркнул себе под нос.

— Ладно тебе, не грузись. — Том, наконец, достиг своего стремительного товарища. — Все лажают, я вот тоже. Дома сто раз сыграешь, а на репетиции — ну как вырубает. Пальцы вроде помнят, а как думать начинаешь, — обязательно воткнешься не в тот лад.

— Та я не в обиде! — Монгол смотрел куда-то в сторону, явно стараясь, чтобы его голос звучал как можно бодрее. — Поначалу не получалось, а потом как-то... Достало. И Дрим тоже достал. Борзее он, тебе не кажется?

— Все мы борзеем время от времени, — примирительно ответил Том. — Так мы к тебе за кассетой зайдем?

— Если найду.

— Я тебе дам — найду! Это лучшая кассета на районе! Италия!

— Шучу я. Дома лежит, на тумбочке. Ты, кстати, борщ будешь? Мамка сегодня наварила.

— Спрашиваешь?! — Том живо вспомнил мать Монгола, современную подтянутую женщину. С ней было всегда интересно поговорить на любую тему, но подлинное, глубокое уважение возникало к ней оттого, что всех вечно голодных друзей ее сына она сразу, без расспросов, усаживала за стол.

В желудке сразу заурчало.

Они уже подошли к подъезду, как вдруг со двора кто-то протяжно свистнул.

— Монгол!

Они повернулись. К ним шла компания пацанов. Трех, Мосю, Воху и Лимона, Том знал хорошо, с двумя другими просто здоровался.

— Здарова.

— Монгол, привет. Слышал? наших на лагере опять... — Невысокий чернобровый Мося сделал характерный жест, стукнув кулаком в свою открытую ладонь. — Что делать будем?

— На Стекляшке?

— Угу. Гога звонил. Говорит, что сегодня опять придут. Обещали.

— Семечек дайте. — Лицо Монгола приобрело свирепый вид. Он почесал нос, и, оглядывая немногочисленное воинство, сказал с неподдельной обидой:

— Надо бы вломить, паца.

— Ясен пень. Для того к тебе и шли, — обыденно сказал Лимон, коренастый пацан с желтушного цвета лицом. В руке он подбрасывал тяжелый цилиндр с выемками под пальцы.

— Цел до сих пор? — Том кивнул на кастет.

— Что ему сделается? — улыбнулся Лимон.

Этот кастет Лимон выменял у Тома еще в школе. Том вспомнил, как на пустыре за домом плавил свинец из аккумуляторных решеток, а потом заливал его в гипсовую форму. Гипс использовался уже не раз. Форма крошилась, отчего на кастете оставались ямки и вмятины, и Том долго доводил его напильником до совершенства.

— Мало нас, на Стекляшку идти. А сборы только на следующей неделе, — уныло пробормотал Мося.

— Какие там сборы! — хмыкнул Лимон. — Не сборы теперь, а одно название. Три калеки приходят в картишки перекинуться. Теперь каждый сам за себя.

Действительно, в последнее время ситуация со сборами сильно изменилась. Еще недавно их район считался самым сильным в городе, а на сборы приходило человек по триста. Но страна стремительно становилась рыночной, порождая множество разнообразнейших дел и новых увлечений. Дисциплина упала, и если даже старшаки стали отлынивать от сборов, то что было говорить о малолетках? Кто-то, как Том и Монгол, ударились в музыку. Кто-то занялся бизнесом, мотаясь по оптовым рынкам и заграницам в поисках дешевых товаров. Кто-то варил в гаражах невиданные мотоциклетные рамы, кто-то в поисках своего «я» экспериментировал с веществами. Одним словом, крепкий районный монолит стал давать трещины изнутри: сборы все больше превращались не в грозные походы на чужой район, а в пустые посиделки.

— Шо, сдулся? — Монгол хлопнул Мося по плечу так, что тот едва устоял на ногах.

— Не-е, пошли, конечно, — иронично протянул Мося, поправляя очки. — Давно люлей не огребали.

— Мося прав. Все-таки чужой район, — вставил слово конопатый Воха. — Еще бы кого-то взять.

Воха ходил на бокс. У него была неплохая левая.

— Ты не забывай, что там еще наши, из лагеря. Они тоже подтянутся, с тыла, — все так же невозмутимо добавил Лимон.

— По-любому в стороне стоять не будут, — согласился Монгол.

Том смотрел на него, и не узнавал. Только что с репетиции спешил совсем другой человек, — унылый и подавленный. А теперь перед ним стоял, расправив плечи, гроза района. Глаза его горели. Монгол вдруг обрел опору, смысл жизни, почувствовал себя в своей тарелке.

— Монгол, а с кассетой что? — Том вежливо напомнил о себе.

— Слышь, ну сам ты видишь, что. — Тот повернулся, беспомощно пожал плечами. — Давай завтра, а то мне ее еще найти нужно.

— Ладно... — Том остановился в нерешительности.

— А может, с нами? — Лимон, слегка наклонив голову, хлопнул его по плечу. — А то нас мало.

Этого вопроса Том и не хотел, и ждал. Он глянул на Монгола. Тот молчал, выжидательно глядя ему в глаза.

— Дембельский аккорд? Ладно, пошли, — вздохнул Том.

На душе всегда становилось легко и радостно, когда идешь куда-то веселой пацанячьей толпой делать хорошее важное дело, и больше

не думаешь ни о чем. Но в этот раз на душе у Тома было муторно и тревожно.

Конечно, он уже совсем отвык от драк. Он, может быть, даже потерял форму, подзабыв ту привычную веселую ярость, без которой не стоит соваться под чужие лихие кулаки.

Но дело было в чем-то другом. Не в спонтанности решения, не в испорченном вечере, и даже не в прекрасном борще, который, судя по всему, отменялся. Он просто вырос из этого дурацкого возраста. С другой стороны, свалить сейчас, бросив пацанов на пути в чужой район, — это расписаться в районной пацанской анкете под словом «мудак».

Монгол шагал впереди всех, — быстро, нагнувшись вперед и чуть растопырив локти. За ним шли Том, Воха, лопоухий Лимон, вечно грустный Камса и еще один косолапый пацан по кличке Пеле. Замыкал компанию худенький очкарик Мося.

— Слышь? — Том догнал Монгола.

— Шо?

— Хреновое предчувствие у меня.

— У меня оно каждый день, — ухмыльнулся Монгол, протягивая Тому семечек. — На, успокойся.

— Та я спокоен. Просто... Неправильно это все. Завязывать надо.

— Том, ты чего? Или за табло свое боишься? Так домой иди. Тебя ж никто не тянет.

— Не в этом дело. Все неправильно.

— Неправильно? А как правильно? На пацанов забить? — Монгол рубанул рукой воздух.

— Чувак, но ты еще и музыкант, — нет? Сейчас переломают пальцы, — как стучать будешь?

— Запарятся ломать.

— Толпы поклонниц, слава, автографы, где это все? — Том театрально обвел рукой окрестности пустыря, через который они шли. — Нету! Хотя какая разница между гопником и музыкантом? У одного мозоли на костяшках, у второго — на подушечках.

— Харош жизни учить. Запарили меня все. И стучу плохо, и за пацанов стать нельзя. То Дрим мне мозги выносил, теперь ты... Лекарей развелось. Хочешь — домой иди. Обойдемся.

— Я уйду, — вам лучше не станет. И не во мне дело. Я... Про вообще говорю. Просто у меня детство уже отстреляло, а у тебя еще отстреливается.

— Де-етство? — Медленно протянул Монгол. — Какое детство? Там их человек пять всего, а каждый день огребают. А стекляшные

сдут к нам на Пятерку прийти, вот на них и отыгрываются. Жалко пацанов.

— Я понимаю, — с сочувствующей иронией сказал Том.

— Том, завали дуло, — огрызнулся Монгол, глянул в сторону, и вдруг улыбнулся. — Зырь, какая краля прет.

По другой стороне дороги шла, помахивая сумочкой, высокая стройная девушка.

— Прет, а мимо. А так бы на шею бросилась, если б стучал нормально. В смысле — барабанил.

— А ведь ты прав. — Монгол любовался фигуркой девушки. — Ладно, считай, что я завязал. Сейчас вот разберемся, и катись оно все. Пусть малолетки бегают.

Они перешли железнодорожный мост, условно считавшийся границей районов, и, пройдя малоприметными улочками старых тенистых дворов, благополучно добрались до лагеря. По дороге с ними случилась потеря: отвалился Пеле. Он встретил какую-то девушку, и, сославшись на внезапно появившиеся неотложные дела, ушел. Его никто не уговаривал: девушка — причина все-таки веская. Может, даже — судьба.

Трудовой лагерь, который на лето расположился в двухэтажном здании школы, был в самом центре вражеского района. Украдкой озираясь по сторонам, они осторожно зашли на ее территорию. Вокруг стояла совершеннейшая тишина, а само здание казалось вымершим.

Все сели неподалеку, на спортплощадке, а Мося подбежал к зданию, и, подтянувшись на подоконнике, заглянул в окошко первого этажа. В переделанных на лето под спальни классах были видны ровные ряды аккуратно заправленных кроватей с подушками торчком. В пустом холле не было ни души.

— Ну, что там?

— Пусто. Может, в колхоз уехали? — предположил Мося.

— Или на теплицы ушли. Это ж Стекляшка, тут теплиц полно, — со знанием дела сказал Лимон.

— И что теперь делать?

— Посидим чуток, — сказал Монгол. — Камса, семечки есть еще?

— Есть малёха. — Тот отсыпал Монголу полгорсти. — Работают где-то. Вечером их привезут.

— А скока ждать? Мне сестру из садика забрать нужно, — встретился Воха.

— Не переживай, кажись, дождались, — Монгол натянуто улыбнулся, кивая на показавшуюся за забором толпу пацанов. Те шли мимо, но, заметив их, свернули во двор школы.

— Может, наши? — с надеждой спросил Мося.

— Та не, — все так же улыбался Монгол, делано развалившись на скамейке. — Преподов нет. Не встаем. Шчас базарить буду.

Пацаны медленно приближались. Том никого не узнал, и, судя по молчанию остальных, компания была из местных. Их было двенадцать человек. Впрочем, трое или четверо были немного помладше пятерских.

Когда толпа подошла к площадке, Монгол упер руки в колени, и, по-начальственному глянув исподлобья на новоприбывших, спросил:

— Пацаны, а вы откуда?

— Мы-то отсюда, а вы откуда? — в тон ему сказал крепкий чубатый парень в растянутой тельняшке. Он был явно постарше других.

— А мы с Десятки, — не моргнув глазом, соврал Монгол и сплюнул сквозь зубы. И тут же, не меняя делового тона, небрежно добавил: — Тут звонили, что сюда пятерские подрулят. Вы в курсе?

— Кого с Десятки знаешь? — недоверчиво продолжал Чубатый.

— Буру, Чочу, — Монгол назвал пару известных ему кличек, и тут же для количества присочинил: — Лелика, Боба, Клепу, Кошея, Багу. Чубатый немного успокоился.

— Сяву знаешь?

— Знаю. У него еще сестра есть, Маша. Во баба! Габариты — во, задний бампер — во! Хочешь, телефон дам?

Все засмеялись.

Монгол врал легко, как дышал, со знанием дела описывая несуществующую Машу. Сява был на любом районе, а то и не один. Всегда можно было ошибиться.

Чубатый подобрел. То же настроение передалось и его друзьям.

— Так что, Пятерка придет? — уточнил он.

— Придут, волчары, по-любому, — Монгол хищно улыбнулся. — Мы сидим вот, ждем.

Атмосфера на спортплощадке воцарилась самая дружелюбная, какая бывает только между товарищами, готовыми рисковать жизнью друг за друга. Тому на миг показалось, что если местные вдруг прощаются и уйдут, то они расстанутся самыми лучшими друзьями. Все было хорошо, если бы не вспотевшие от напряжения ладошки и легкий тремор в левой ноге.

Тем временем пятерские, коротко поглядывая по сторонам, уже мысленно разобрали себе соперников.

«Эх, видно, не пронесет. Не облажаться бы», — подумал Том, глянул на Монгола. Тот, приобняв Чубатого как старого приятеля, показывал пальцем:

— Короче, они должны нарисоваться примерно во-он там. Зайдут по-любому сюда. Увидят, что нас немного. А вы станете на той стороне, с поля, чтобы они свалить не успели. Как начнется — подтянетесь. Обойдете школу со двора, чтобы не светиться.

Том смотрел на Монгола, стараясь уловить хоть малейшую фальшь, но ее не было.

«В театральный ему нужно», — с восхищением подумал он.

Монгол до мелочей проговаривал все детали будущей битвы. Чубатый кивал и соглашался.

В какой-то момент Монгол будто что-то вспомнил, поскущел, что-то решив про себя, задрал голову. Посмотрев в синее, покрытое легкомысленными облачками небо, с разочарованной грустинкой, словно не желая терять новообетенную дружбу, произнес:

— Ладно, пацаны, хорош базару. Мы с Пятерки.

И, не дожидаясь реакции, коротко ударил Чубатого снизу в зубы. Удар оказался не только сильным, но и деморализующим. Чубатый настолько не ожидал подвоха, что сразу упал на землю, и, подобрав под себя ноги, закрыл рукой голову.

Еще миг, и пятерские вовсю молотили стекляшных. Том вскочил со скамейки последним и бросился в центр площадки. Там, став у турника, он призывно махнул крепкому рыжему парню, который тоже искал драки. Том задумал, схватившись за стойку, ударить Рыжего обеими ногами, а при случае, ей же прикрыть спину. Рыжий вроде не просек маневра, и сделал шаг вперед. Том выпрыгнул, но вспотевшие пальцы оторвались от трубы, соскользнули со стойки, и он, не долетев до противника, плюхнулся на задницу, в песчаную пыль, прямо под ноги врагу. И сразу получил удар ногой по ребрам.

«Ну дурак!» — он интуитивно закрыл рукой голову, ожидая второго удара, но прошла уже целая секунда, а его не было. Не теряя времени, он откатился назад, вскочил на ноги, осмотрелся. Оказалось, что в момент его прыжка подскочивший откуда-то Лимон двинул Рыжего сбоку, в ухо. Тот стоял, согнувшись, и тряс головой, прикрывая на всякий случай лицо. Добивать его не хотелось, и Том вновь встал у стойки наизготовку. Мимо от сильного удара отлетел Мося. Тут же вскочил на ноги и с криком бросился назад, в самую гущу драки. И — снова отлетел.

Том почувствовал себя по-идиотски. Драка проходила вокруг него, рядом мельтешили руки, трещали футболки, а он стоял в самом ее центре, не принося никакой пользы. Он ринулся к обидчику Моси, бледному невысокому парню средней комплекции. Тот уже сгруппировался и стоял в бойцовой позе, с ненавистью смотря на Тома.